

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

NIGHT-MARE: К ИСТОКАМ ОДНОГО ОБРАЗА В КЕЛЬТСКОМ И ГЕРМАНСКОМ¹

© 2011 г. Т. А. Михайлова

Статья посвящена анализу семантического развития фиксируемой в кельто-германском ареале лексемы **mark-o-*, имеющей значение ‘лошадь, кобыла’, но ассоциирующейся и с наименованием женского демона Мары, также засвидетельствованного в фольклоре кельтов и германцев. Автор предполагает, что сама лексема носит характер “бродячей”, причем ее источник предположительно видит в алтайском. В то же время в работе демонстрируется изменение и расширение семантики слова за счет механизма “паронимической аттракции”, объединяющей его с архаическими обозначениями воды и влаги, с одной стороны, и женского божества, с другой. Идея поддерживается наличием архаических изображений женских божеств, символизирующих воду (реку) и одновременно – кобылу как одну из ипостасей Великой Матери, а также данными психоанализа.

The article deals with the analysis of the semantic development of the word **mark-o-* ‘horse, saddle horse, mare’, representing in Indo-European a Celto-Germanic isogloss. The author demonstrates that the paronymic associations with the name of a female demon Mara, attested also in Germanic and Celtic mythology, creates the image of a “white horse” and gives, in particular, an Old English name – Night-mare, having as a first meaning ‘the night horse’. At the same time the same paronymic attraction of *mare* with another old lexeme with the meaning ‘water, river’, attested also in Altaic languages, gives an idea of a water-spirit as well. The archeological data are also given, as well as deductions of psychoanalysis.

Ключевые слова: Одомашнивание лошадей, верховая езда, семантическая реконструкция, кельто-германские изоглоссы, индоевропейские и алтайские параллели, “бродячие слова”, женское начало в архаических верованиях.

Key words: Domestication of the horse, riding, semantic reconstruction, Celto-Germanic isoglosses, Indo-European and Altaic parallels, “wandering words”, woman figure in archaic beliefs.

В германском и кельтском языках засвидетельствовано обозначение верховой лошади и/или кобылы, представленное только в данных семьях и реконструируемое Ю. Покорным на и.-е. уровне как **mark-o-* [1, с. 700]. Аналогичный этимон предлагается и в вышедшем недавно словаре протокельтского языка, составленном Р. Матасовичем, профессором университета Загреба. Автор приводит данные всех современных и мертвых кельтских языков (др.ирл. *marc*, ср.валл. *march*, ср.брет. *mar 'h*, галльск. *markan*), однако признает, что далеко не везде данная лексема имеет одинаковый семантический статус [2, с. 257]. Так, в ирландском языке уже в среднеирландский период слово *Marc* является редким поэтизмом, тогда как образованный от нее дериват *marcach* ‘всадник’ сохранился в языке до наших дней и, более того, на его базе возникло абстрактное существительное *marcachas* ‘верховая езда’ и псевдоглагольное имя от несуществующего глагола – *marcadheacht*, которое в диалектах употребляется также по от-

ношению к езде на осле и, более того, передвижению в телеге и в автомобиле, а также иногда – на корабле. Однако, несмотря на включенность лексемы в язык, в ней явно просматривается скорее обобщенное значение ‘средство передвижения’, чем собственно ‘лошадь’ и даже ‘верховая лошадь’. В бриттских языках деривации от **mark-* представлены широко, однако в валлийском *march* не носит характер базовой лексемы, но преимущественно обозначает лошадь для верховой езды (т.е. – как и в ирландском; ср. также валлийское – *marchog* ‘всадник, рыцарь’). В бретонском *marc 'h* обозначает лошадь как таковую, т.е. выступает в качестве базовой лексемы (см. [3, с. 20]).

В древнеирландский период это слово конструировало с распространенным в других и.-е. языках обозначением лошади *ech* (ср. валл. *ebol* ‘жеребенок’, при лат. *equus* ‘лошадь’, греч. *hippos* ‘то же’ санскр. *ásva*, др.анг. *eoh*, лит. *asvā* ‘кобыла’, к протокельтскому **ekʷo-*, реконструируемый и.-е. этимон – **h₁ekʷo-*, см. [1, с. 301]), которое позднее вытеснилось словом *capall*, имевшим в качестве основного значение ‘упряжная лошадь,

¹ Исследование поддерживается РГНФ, проект № 09-04-00104а “Животные в языке и культуре кельтов и германцев”.

тяговая лошадь'. Происхождение этого слова, кстати, не совсем ясно, и оно считается латинским заимствованием лишь в "народной" этимологии. Более того, по мнению Ж. Вандриеса, латинское *caballus* само является кельтским заимствованием, а редкое греческое καβαλλης было также заимствовано у кельтов-галатов [4, с. 33–34]. В валлийском также фиксируется лексема *ceffyl* с общим значением 'лошадь'. Естественно, наблюдается некая связь этого слова с русским *кобыла*, а также литовским *kumėle* 'кобыла', однако выявить здесь четкую закономерность развития и пути предположительных заимствований не кажется возможным. М. Фасмер предлагает рассматривать это слово внутри целой группы славянских слов "конь, комонь, кобыла" и приводит ряд предположений о возможных источниках заимствования корня в целом, не останавливаясь ни на одном с уверенностью [5, т. 2, с. 269]. Видимо, данное слово в европейском ареале имеет статус "бродячего", и проследить его источник не представляется возможным, что, как мы полагаем, очень показательно: обозначение столь важного domesticiрованного животного и должно перемещаться от одного диалекта к другому, входя в состав так называемой "культурной лексики", получающей внеязыковой статус.

Более того, казалось бы, несомненно индоевропейское обозначение лошади – **(h1)ek'wo-*, которое на более глубоком уровне часто возводилось к основе **ak'ú* 'быстрый' [6, с. 212], как было убедительно продемонстрировано С.А. Старостиным (см. [7]), представляет собой заимствование из северо-кавказских языков на самом раннем этапе существования и.-е. общности (то есть – еще до отделения анатолийских языков); исходным значением при этом можно считать – 'вьючное животное' (ср. шумерское *anšu* 'осел', также – заимствование из неизвестного языка, см. [8, с. 674]).

Мы позволили себе сделать это небольшое отступление, чтобы показать, что обозначения лошади, как правило, несут характер генетически загадочный и часто предполагают заимствования, видимо, с целью более точной дефиниции описываемого объекта – лошадь как животное, как средство перемещения, как объект метафорической фразеологии и так далее. И это естественно, если мы вспомним, какую важную роль играла лошадь и в миграциях, и вообще – в жизни человека на протяжении почти шести тысяч лет, а также тот факт, что освоение лошади "под верх" (для езды верхом и транспортировки тяжестей) также, несомненно, заимствовалось из одной культуры в другую.

Возвращаясь к обозначению лошади в островных кельтских языках, мы должны отметить, что для средневековой ирландской традиции было характерно скорее описание передвижения героя на колеснице, тогда как верховая езда воспринималась как знак Иного мира. На это, например, обращает внимание Э. Росс в книге "Повседневная жизнь кельтов-язычников", когда приводит пример из саги "Разрушение дома Да Дерга": по ходу сюжета там появляются три красных всадника, которых нельзя догнать и которые увлекают героя-короля в Иной мир, где он должен погибнуть. Естественно, они называются *marcach* (см. [9, с. 97]). Для традиции валлийской это не совсем так, и в средневековых преданиях часто описывается езда верхом (мы полагаем – уже под влиянием французской куртуазной традиции), однако и там встречаются описания чудесной всадницы на белой кобыле, которую нельзя догнать. Более того, в современном валлийском фольклоре существует персонаж, называемый *march gwynn* 'белая лошадь', демон-призрак, который в виде белой лошади ночью подстерегает путников на дорогах.

В континентальном кельтском эта лексема зафиксирована во II в. н.э. у Павсания в "Описании Эллады" (X, XIX, II) – в боевом расчете галатов использовались группы по три конных воина, что вместе называлось – *trimarcisia* ('три лошади'). Он подробно описывает странную технику ведения боя, при которой как бы получается своего рода боевая единица, состоящая из шести элементов (всадник, двое слуг и три коня), причем в ходе боя слуги постоянно подменяют погибших коней и, если всадник погибает, становятся на его место. Сам термин автору кажется чуждым, и он отмечает – "ибо следует знать, что кельты называют лошадь – *marca*" [10, с. 440]. Но строго говоря, мы и здесь не можем ответить на вопрос о том, является ли это базовым обозначением лошади для галатов или названием именно верховой лошади, поскольку контекст как раз свидетельствует о боевой верховой езде. Можно также отметить галльские топонимы *Marco-durum*, *Marco-magus*, *Marco-lica* [11, с. 217] и NP *Marcomarus*, *Marcose-na*, *Marcomani*, *Marcus*, *Marcula* [12, с. 123].

Следует отметить также галльскую надпись MARCOSIOR – METERNIA [13, L-117], где *marcosior* интерпретируется как 1 sg. dep. с дезидеративным суффиксом от предположительного глагола с семантикой совокупления (от "ездить верхом"). Таким образом, мы опять находим значение 'верховая лошадь', которое приобрело характер метафоры, что показывает достаточную укорененность слова в языке.

Однако эта основа в континентальном кельтском по частоте употребления уступает продолжению индоевропейского корня, что может быть подтверждено и обилием имен собственных с корнем *epo-*, и именем галльской богини лошадей – *Epona* (изображается обычно сидящей на лошади, рядом – жеребенок; одиночные фигуры лошадей на рельефах также обычно считаются изображениями того же божества).

Соотнесение лошади-кобылы с женским божеством для традиции кельтской считается уже “общим местом”² и имеет множество подтверждений, как, например, предание о состязании местной богини по имени Маха с конями короля в саге “Недуг уладов”, можно также вспомнить богиню Рианнон, возящую на своей спине гостей короля в валлийском эпосе “Мабиногион”, а также – белую кобылу, с которой, как это было описано в конце XII в. Гиральдом Камбрийским, должен был ритуально совокупиться король уладов во время инаугурационного обряда.

Данная лексема в западных и.-е. языках имеет очевидные германские параллели, причем распространена она практически во всем широком германском ареале, включая скандинавскую зону: др.исл. *marr*, др.англ. *meorh*, м., *mere*, ф., др.в.нем. *marah* ‘конь’, *mariha* ‘кобыла’; ср.в.н. *Marah* > *Mähre* f. (при *marahscalc* ‘всадник’), др.фриз. *merrie*. В германском наблюдается сочетание значений ‘верховая лошадь’ и ‘кобыла’, причем в древнеанглийском фиксируется то же непристойное значение, которое мы предположительно отмечали и для галльского – “ездить верхом = совокупляться”. Ф. Клюге предлагает все германские дериваты возводить к общегерманскому < **marhī-*, которое, предположительно, на раннем этапе было обозначением лошади как таковой [15, с. 454]). В качестве базовой лексемы в английском и немецком старое обозначение лошади было позднее заменено новообразованиями (нем. *Pferd*, англ. *horse*). Видимо, рефлекс протогерманского **marhī* уже изначально обладали специфической детерминированностью и служить для общего обозначения лошади вообще не могли. Такого же мнения придерживаются Д. Меллори и Д. Адамс в своей “Энциклопедии индоевропейской культуры”, полагая, что, по крайней мере в германском, это слово на определенном этапе могло иметь статус базового, но позднее развило дополнительную суффиксацию для обозначения

животных разного пола, в результате чего “кобыла” получила суффикс – **eh_a* [16, с. 274].

В германских языках эта основа странным образом сочетается с обозначением женского призрака, Мары (др.исл. *mara*, др.англ. *mare*), имеющим другую этимологию: **marā* [1, с. 736]. В среднеанглийском происходит контаминация двух основ и появляется слово *nightmare* ‘ночной кошмар’, буквально означающее “ночная кобыла”. Эта контаминация на первый взгляд кажется случайной, однако если следовать идее ученика Фрейда Э. Джонса, который считал, что образ белой кобылы является самым архаическим символом глубинных страхов человека (см. [17, с. 241–341]), то она окажется в общем закономерной, и обозначение лошади-призрака будет выглядеть, как контаминация двух семантических полей – “кобыла, верховая лошадь” и “призрак-кобыла, призрак-женщина”. В кельтском продолжение и.-е. основы **marā* фиксируется у названия богини войны и смерти *Morrigan* [3, с. 64]; вспомним также упомянутый нами выше валлийский фольклорный образ “белой кобылы”, нападающей по ночам на путников. Представляется, что в данной связи мы не можем с уверенностью говорить о том, какое именно значение реализуется в строке известного древнеанглийского “Заговора на странствие”: *Ne me mer ne gemyrre* [18, с. 216] – “Пусть меня мара не погубит”. Переведенное издателем как *nightmare*, слово *mer* по форме является среднеанглийским обозначением кобылы (см. [19, с. 158]), но, видимо, автор текста имел в виду скорее демона-мару, либо, что вероятнее, все тот же страшный образ “ночной кобылы”, подстерегающей путников на темных дорогах.

“Ночная кобыла”, как пишет Р. Грейвс, “одна из самых жестоких ипостасей Белой Богини. Ее гнезда, если набрести на них в снах, находятся на скалах или на ветвях высоких и дуплистых тисов и сделаны из тщательно подобранных веток, выложены белой шерстью лошадей и перьями пророческих птиц, а внутри набросаны челюсти и внутренности поэтов” [20, с. 28]³.

Как отмечал в свое время Э. Полломе, если мы имеем два слова с примерно общим значением, представленных только в кельтском и герман-

² Литература по вопросу огромна; сошлемся на одну из недавних работ, в которой суммируются выводы и наблюдения предшественников – [14].

³ Архаический, нуминозно-эротический образ “белой кобылы” оказывается поразительно сохранным и широко распространенным. Так, недавно нам удалось записать от информантки Веры Ц. (1933 г.р., Рязанская область) рассказ о том, как в пору ее детства к их дому по ночам подходила белая кобыла, и они боялись выглянуть наружу, чтобы “она нас не заметила”. По словам информантки, в дневное время кобыла встретила с ее отцом, имевшим славу колдуна и знахаря, и заговорила с ним.

ском, мы можем предположить четыре варианта объяснения этого феномена:

1. термин представляет собой локальную инновацию в маргинальной зоне и.-е. ареала либо локальное сохранение старого и.-е. термина (изоглосса);

2. оба термина были заимствованы из третьего источника – либо до-и.-е. субстратного языка, либо – из незафиксированного и.-е. диалекта;

3. кельтский термин был заимствован в германский;

4. германский термин был заимствован в кельтский (см. [21, с. 284]).

Применимо ли это правило к области блуждающего фольклорно-мифологического образа? С каким именно случаем мы имеем дело при анализе нашей лексемы, сказать трудно. Так, В. Орел в протогерманском этимологическом словаре отмечал германское **marhaz* как кельтское заимствование (см. [22, с. 261]). Ян Де Фриз в “Этимологическом словаре древнеисландского языка” также склонялся к идее кельтского заимствования в германском, однако допускал также предположение, что это могло быть очень “старое бродячее слово” (*eine altes Wanderwort* [23, с. 380]). Идею бродячего слова “восточного происхождения” выдвигает в своем словаре и Р. Матасович [2, с. 257]. Отметим, что данная идея (о заимствовании корня, обозначающего верховую лошадь одновременно в кельтском и германском из неизвестного источника) выдвигалась еще в 1926 г. А. Мейе (см. [24, с. 229]). Х. Биркхан в монографии “Кельты и германцы” также останавливается на этой проблеме, но подходит к ней с позиций археологических и предлагает в качестве возможного языка-источника, так сказать, культуру-источник – фракийцев, известных своим искусством верховой езды (см. [25, с. 393–402]), то есть, согласно Поломе, склоняется ко второй возможности – заимствованию из мертвого и.-е. языка. В то же время Т.В. Гамкрелидзе и Вяч.Вс. Иванов предполагают иной путь миграции лексемы – заимствование из какого-то алтайского языка, видимо – при участии культуры-посредника (см. [26, с. 939]). Отметим, что четвертую возможность (германское заимствование в кельтском) исследователи не рассматривают, хотя чисто теоретически, на очень раннем этапе (то есть, еще до так называемого германского передвижения согласных, давших спирант на месте и.-е. **k*) она также в принципе реализуема. Полагаем, что отсутствие такого предположения обусловлено отсутствием лингвистических данных о древних германских диалектах, тогда как кельтские языки

засвидетельствованы в более ранних надписях (в нашем случае – уже с первых веков н.э.).

Можно ли здесь говорить о кельто-германской изоглоссе (по Поломе – первая возможность), выводимой на индоевропейском уровне? Реконструкция общей кельто-германской основы, обозначающей седловую лошадь, на и.-е. уровне представляется *теоретически* возможной, так как, согласно данным С.А. Старостина (см. [27, с. 85]), отделение кельтской семьи датируется ок. 3350 г. до н.э., при этом освоение верховой езды датируется несколько более ранним периодом – ок. 3700–3500 гг. до н.э. (дата, однако, актуальна скорее для степных районов севернее Каспия, см. [28, с. 23]). *Практически* же представляется сомнительным развитие лексемы со значением ‘седловая лошадь, кобыла’ для периода, предшествующего отделению кельтской семьи, неясен регион ее распространения, ср. также ее отсутствие в итальянском, балтийском и славянском (естественно, возможна ее утрата и вытеснение другими семантическими инновациями, поскольку обозначения лошадей даже внутри одного языка всегда дают поразительно богатую синонимику). Не совсем понятна в данном случае и исходная семантика лексемы: седловая лошадь или кобыла? Принятие идеи изоглоссы, дериваты которой дали в языках-потомках близкие семантически, но все-таки не совсем одинаковые значения (‘верховая лошадь’ – в кельтском и более широкая семантика в германском) в принципе может и быть оправдано, но только в том случае, если мы допустим, что изначально слово имело иную семантику – например, обозначало одомашненную лошадь, пусть даже используемую только для еды и молока. Близкое предположение высказывают Дж. Мэллори и Д. Адамс, сомневающиеся в возможности проникновения в западные и.-е. диалекты “восточного” обозначения лошади и предполагающие наличие в кельтском и германском отдельной лексемы, обозначавшей изначально дикую лошадь (см. [16, с. 276]), однако их выводы не кажутся доказательными.

В то же время следует обратить внимание на то, что лексема с аналогичной семантикой широко представлена в алтайском: ср. монг. *mörin* (откуда русск. *мерин* – ‘кастрированный жеребец’), калм. *mörin*, тунг. *morin* и так далее (см. [29, с. 266–267]). Основа реконструируется как протомонгольское **mori*, протоалтайск. **mórV* причем уже со значением ‘лошадь’, а также имеет рефлекс в китайском и корейском, “отследить” путь которых мы сейчас не предполагаем (см. подробнее на сайте: <http://www.starling.rinet.ru>). Слово также имеет ностратическую этимологию,

учитывающую дравид. данные (**mur* ‘олень’), что позволяет реконструировать корень **morV* с общим значением ‘скот, лошадь’. И более того: привлечение сино-кавказских данных и афро-азиатских дает предположительную более глубокую этимологию *MVRV* с общим значением ‘копытное животное’. Теоретически такая глубокая реконструкция возможна, и семантический переход “копытное” → “лошадь” вполне логичен, однако вывод ностратическую этимологию для кельто-германского этимона и предполагая изоглоссу, а не заимствование, все же надо сделать, как нам кажется, слишком много логических допущений. Столь глубокая реконструкция возможна лишь при условии параллельного семантического перехода в разных языковых ветвях, сильно разошедшихся ко времени одомашнивания лошади.

Обратим внимание, однако, еще на одну деталь. В калмыцком это же слово (омоним?) имеет значение ‘широкая река’ (см. [29, с. 265]). Однако в средневековом монгольском (письм.-монг.) обозначением лошади было *mori(n)*, а реки *möri(n)*. В калмыцком эти слова становятся омонимами, из-за калмыцкого регулярного умлаута перед слогом, содержащим *i*. Но в халха (совр. литер. монг.) полной омофонии не наблюдается: ‘лошадь’ *морь*, а ‘река’ *мөрь*. Таким образом на протомонгольском уровне мы можем говорить лишь о паронимии. Тем не менее отметим, что данная паронимия соотносится с выведенным еще тем же Э. Джонсом соотношением кельто-германской основы с и.-е. обозначением воды и влаги (см. [17, с. 329]). Естественно, лингвистические наблюдения психоаналитика Джонса, который к тому же писал свой труд более 60-ти лет назад, мы не можем принимать всерьез, однако, как нам кажется, им довольно тонко был подмечен принцип “паронимической аттракции”, согласно которому лексемы, этимологически не тождественные, но близкие омофонически, начинают втягиваться в одно семантическое поле, как правило, с размытыми границами. Собственно, именно это и произошло с древнеанглийским обозначением “кобылы”, соотношенным в народном мышлении с демоном-марой, что в результате породило слово *Nightmare*, букв. ‘ночная кобыла’. На паронимической аттракции, в частности, базируются и так называемые “народные этимологии”, причем, что интересно в нашем случае, русский *жеребец-мерин* (позднее монгольское заимствование) трактуется как тот, кто “версты меряет”, то есть быстро бежит. На самом деле, выведенная Джонсом основа, обозначающая воду и влагу (а также – *море*) сама по себе имеет ностратическую этимологию: к **mārä* ([30, с. 60], и.-е. **mor-* и его рефлексy см.

в [1, с. 748]), которая в свою очередь парофонична с основой **mer-*, обозначающей “смерть, болезнь, боль” и проч., что также, естественно, ненаучно и, казалось бы, неоправданно отмечалось Э. Джонсом.

Это сближение, наверное, трудно принимать всерьез. Обратимся, однако, к языкам Балкан, где, по мнению Х. Биркхана, произошло заимствование “восточного” обозначения лошади в “западном языковом ареале”. Нельзя ли найти какие-то реликты данного слова в балканских диалектах? В работе Л.А. Гиндина и И.А. Калужской [31] делается попытка распутать целый клубок балканских лексем с общим (переменным) значением “скот, лошадь, кляча, падаль, дрянь”. Исходя из венгерского *marha* ‘крупный рогатый скот’, которое они считают ср.нем. заимствованием из *market* ‘имущество, товар’, авторы находят поразительное множество рефлексов этой лексемы во всей балканской зоне, включая румынские диалекты, сербо-хорватский, словенский и др. Данную основу они рассматривают как пример “миграционного термина, центром иррадиации которого является венгерская языковая территория” [31, с. 66]. Мы не оспариваем их наблюдений и выводов, однако поразительно часто у приводимых ими лексем фиксируется именно значение ‘конь, старый конь, кляча, лошадь, дурная женщина (фиг.)’. Ср., например, польск. *marcha* ‘кляча, старая лошадь; падаль’, словен. *mrha* ‘кляча’ и др. (аналогичное значение фиксируется в западных укр. диалектах у *мерха*). О контаминации значений пишут и эти авторы, но не можем ли мы в таком случае предположить и аналогичную контаминацию, произошедшую на гораздо более глубоком уровне языкового развития и языковых и этнических миграций? Иными словами, нет ли здесь реликтов ностратического корня с общим значением ‘скот, лошадь’?

Каков же наш вывод? Наверное, нельзя с уверенностью говорить ни о ностратической изоглоссе, ни о точных путях, которыми двигалось это безусловно “бродячее слово”, меняя и уточняя свою семантику в соответствии с изменением восприятия лошади как объекта – дикое копытное животное, объект охоты и еды, колесничная лошадь, верховая лошадь. Но мы осмеливаемся предположить, что в ходе своей “миграции” данная основа не только меняла семантику, что естественно, но и втягивалась в семантическое поле паронимических и.-е. основ, кодируемых консонантами М-Р. Наверное, отчасти на этот процесс повлияли и такие экстралингвистические факторы, как архаический страх перед ночными демонами, появляющимися из темноты, о которых

писал Э. Джонс, а также – уподобление коитуса верховой езде. Но, как нам кажется, истоки образа не ограничиваются консонантным подобием и не из него вытекают. Так, в недавно вышедшей книге петербургского археолога И.Ю. Шауба говорится, что скифская богиня-прародительница, родственная Иштар, “выступала одновременно как водная и как покровительница лошадей” [32, с. 94]. Архаический семантический комплекс “женское – влажное” также сыграл здесь свою роль и в результате породил образ женского демона – Мары, осмысляемого в фольклоре одновременно и как женщина, и как кобыла.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Pokorny J. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern: Francke Verlag, 1959.
2. Matasović R. Etymological Dictionary of Proto-Celtic. Leiden, Brill, 2009.
3. Vendryes J. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. M, N, O, P. Paris: CNRS, 1960.
4. Vendryes J. Lexique étymologique de l'irlandais ancien. C. Paris: CNRS, 1987.
5. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2. СПб.: Азбука, 1996.
6. Hamp E. The Indo-European Horse // When Worlds Collide. Indo-European and Pre-Indo-European. / Ed. T.L. Markey & J.A. Greppin. Michigan: Karoma Publishers, 1990.
7. Старостин С.А. Индоевропейско-севернокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. М.: Наука, 1988.
8. Кулланда С.В. Лошадь в праиндоевропейском // Orientalia et Classica. Труды Института восточных культур и античности. РГГУ. Вып. XIX. Аспекты компаративистики – 3. М.: Изд. РГГУ, 2008.
9. Росс Э. Повседневная жизнь кельтов в языческую эпоху. Пер. с англ. С. Иванова. СПб.: Евразия, 2004.
10. Павсаний. Описание Эллады. Т. II. Пер. С.П. Кондратьева. М.: Ладомир, 1994.
11. Delamarre X. Dictionnaire de la langue gauloise. Une approche linguistique du vieux-celtique continental. Paris: Édition errance, 2003.
12. Schmidt K.H. Die Komposition in gallischen Personennamen. Tübingen: Max Niemeyer Verlag, 1957.
13. Lambert P.Y. Recueil des Inscriptions Gauloises. Textes Gallo-Latins sur *instrumentum* (RIG-II.2). Paris: CNRS, 2002.
14. Tatár M.M. The Myth of Macha in Eastern Europe // Journal of Indo-European Studies. Vol. 35. N. 3–4. 2007. Pp. 323–344.
15. Kluge F. Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache. Berlin: Walter De Gruyter & Co., 1957.
16. Mallory J.P., Adams D.Q. The Encyclopedia of Indo-European Culture. London, Fitzroy Dearborn, 1997.
17. Jones E. On the Nightmare. New York: Liveright, 1971.
18. Storms G. Anglo-Saxon Magic. Nijmegen: Martunus Nijhoff, 1948.
19. The Oxford English Dictionary. Oxford University Press, 1933.
20. Грейвс Р. Белая Богиня. Историческая грамматика поэтической мифологии. Пер. с англ. М.: Прогресс-традиция, 1999.
21. Polomé E. Celto-Germanic Isoglosses (Revisited) // Journal of Indo-European Studies. Vol. XI. 1983. Pp. 281–298.
22. Orel V. A Handbook of Germanic Etymology. Leiden-Boston: Brill, 2003.
23. De Vries J. Altnordisches etymologisches Wörterbuch. Leiden: Brill, 1962.
24. Meillet A. Caractères généraux des langues germaniques. Paris: Hachette, 1926.
25. Birkhan H. Germanen und Kelten bis zum Ausgang der Römerzeit. Wien: Hermann Böhlau, 1970.
26. Гамкрелидзе Т.В., Иванов Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы. Благовещенск, БГК им. И.А. Бодуэна де Куртене, 1998 (репринт изд. Тбилиси, 1984).
27. Blažek V. From August Schleicher to Sergei Starostin: On the development of the tree-diagram models of the Indo-European languages // Journal of Indo-European Studies. Vol. 35. 1–2. 2007. Pp. 82–110.
28. Anthony D.W. A New Approach to Language and Archeology: the Usatovo Culture and the Separation of Pre-Germanic // Journal of Indo-European Studies. Vol. 36. 1–2. 2008. Pp. 1–51.
29. Ramstedt G.J. Kalmückisches Wörterbuch. Helsinki: Lexice Societatis Fenno-Ugricae, 1935.
30. Иллич-Свитыч В.М. Опыт сравнения ностратических языков. Сравнительный словарь. М.: Наука, 1976.
31. Гиндин Л.А., Калужская И.А. Об одном унгаризме в Карпатском ареале: **marha* // Балто-славянские исследования 1988–1996. М.: Индрик, 1997.
32. Шауб И.Ю. Миф, культ, ритуал в Северном Причерноморье VII–VI вв. до н.э. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 2007.